

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА КОНИЦКАЯ
Вильнюсский университет

Синтаксические функции инфинитива в русском и словенском языках

В статье предпринята попытка описания специфики синтаксического и семантического пространства инфинитива в русском и словенском языках¹. Конкретный языковой материал рассматривается на уровне предложения как поля реализации функций грамматических категорий, исходя как из общетеоретических представлений о “синтаксическом порождении элементов системы языка и их определении через синтаксис” [Мартынов 1982, 15], так и из утверждений, что смысл категории инфинитива связан с синтаксическим контекстом и потому подлежит истолкованию в синтаксисе [Падучева 1974, 21].

В русском языке инфинитив используется в синтаксических и грамматических функциях. В предложении он выполняет синтаксические роли²:

— присвязочной части сложного глагольного сказуемого (рус. 1)*:
Он хочет уйти; Я начал говорить;

— дополнения (рус. 2): *Я прошу вас говорить тихо; Она дала ему пить; Мы просили его спеть;*

— несогласованного определения (рус. 3): *Он говорил о своем желании уехать в город; Нетерпение доехать до Тифлиса овладело мною; Он — мастер говорить;*

— простого глагольного сказуемого (рус. 4): *И царица хохотать; Его мечта — побывать в Африке;*

— главного члена инфинитивного предложения (рус. 5): *Не входить; Открыть ему?; Нечего приставать!;*

— подлежащего (рус. 6): *Куриль — здоровью вредить; Дозволиться — это проблема; Учиться интересно;*

* Здесь и далее после сокращенного названия языка (рус. ‘русский’ или слов. ‘словенский’) цифрой обозначены функции инфинитива в том порядке, в каком они перечисляются в работе.

— обстоятельства цели (рус. 7): *Я пошел погулять; Он поднялся сказать, чтобы она не приходила.*

Как грамматическое средство инфинитив выступает в составе формы будущего сложного времени, образуемого от глаголов несовершенного вида (рус. 8): *Я буду писать.*

В словенском языке синтаксические роли инфинитива описаны не столь детально, как в русском, что делает невозможным непосредственное использование в сопоставительных целях существующие описания. Анализ лингвистической литературы, в первую очередь грамматик словенского языка [Breznik 1924; Slovenska slovnica 1956; Torogišič 1991], в которых можно найти упоминания о синтаксических функциях инфинитива, а также наши наблюдения на материале художественных текстов³ показывают, что большая часть из перечисленных выше функций русского инфинитива свойственны инфинитиву в словенском языке. Именно, инфинитив здесь выступает в качестве:

— присвязочной части сложного глагольного сказуемого (слов. 1): *Sklenila je, da hoče hoteti* IP ‘она решила, что хочет хотеть’; *Vse moram storiti sama* IP ‘я все должна делать сама’; *Prav nič ne smem zanesti nate* IP ‘совершенно не могу на тебя надеяться’; *Katra je velela počakati* IP ‘Катра велела подождать’; *Molče je začela znova šivati* IP ‘она молча начала снова шить’;

— дополнения (слов. 2): *Ona je prosila pomagati* IP ‘она просила помочь’; *Jesti in piti je bilo dovolj* JT ‘еды и питья было достаточно’;

— несогласованного определения (слов. 3): *Spraviti jo z materjo, navezati eno in drugo na se, je bila stalna misel* IP ‘сблизить ее с матерью, сдружить их друг с другом, было его постоянной мыслью’;

— простого глагольного сказуемого (слов. 4): ... *on pa kriliti rokami in vpiti* JT ‘... а он махать руками и кричать’;

— главного члена инфинитивного предложения (слов. 5): *Ne kaditi* JT ‘не курить’; *Kaj storiti?* JT ‘что делать?’;

— подлежащего (слов. 6): *Umreti je lepo, umreti za Boga* IP ‘умереть хорошо, умереть за Бога’; *Govoriti je srebro, molčati pa zlato* ‘говорить серебро, молчать золото’.

Инфинитив не используется в словенском языке в позиции обстоятельства цели, для этого здесь существует специальная глагольная форма — супин (слов. 7): *Zdaj grem spat, rečem, ne morem več* DJ ‘я иду спать, говорю, не могу больше’. Он не выступает при образовании форм будущего сложного времени, так как с этой целью используется причастие на *-l* (слов. 8): *bom naredil/a* ‘сделаю’.

В отличие от русского языка, инфинитив используется в словенском в следующих случаях:

— в позиции определения при словах со значением восприятия органами чувств *slišati, čuti, videti* и др. (слов. 9): *Slišala je ptičko peti* JT 'она слышала пение птички'; *Videli so jih bežati proti gozdu* JT 'видели, что они бегут в сторону леса';

— в полупредикативной конструкции со значением обстоятельства времени или образа действия (слов. 10): *To videti, drugi so vsi ostrmeli* 'видя это, все другие застыли от изумления'. Это употребление в грамматиках и словарях рассматривается как устаревшее [Toporišič 1992, 130]. В [SSKJ, 1511] приводится тот же пример из поэзии Ф. Прешерна (1800–1848); ср. его же: *To videti, grji videti napake, je srcu rane vsekalo krvave* 'при виде этого, при виде ужасной несправедливости, на сердце появились кровавые раны';

— в качестве части сложного сказуемого при финитных формах глагола *biti* в безличном употреблении (слов. 11): *Daleč zadaj je videti morje* DJ 'далеко позади видно море';

— в двусоставных предложениях с прилагательным или причастием в именной части сказуемого (слов. 12): *Ona je bila videti utrujena* IP 'она выглядела усталой'.

Рассмотрим лексическое и семантическое наполнение синтаксических структур в обоих языках, при необходимости используя метод преобразования (трансформации, перифразирования)⁵. Как увидим, такой подход помогает выявить скрытые смыслы, определить реальные значения той или иной грамматической формы, ср. [Падучева 1974; Мартынов 1982]).

В позиции присвязочной части сложного глагольного сказуемого (рус., слов. 1) и в качестве дополнения (рус., слов. 2) инфинитивы выступают для обозначения предиката, зависимого от каузативных, модальных и фазовых глаголов и предикативов: *Он просит меня уйти; Я хочу сказать; Надо ехать; Необходимо решить эту проблему; Šel je tja in videl, da ne more nič storiti* DJ 'он пошел туда и увидел, что не может ничего сделать'; *Škušal sem jo (glavo) dvigniti in pogledati proti vratom* DJ 'я попытался поднять голову и посмотреть в сторону дверей'; *Potem je sklenil Juri govoriti z materjo* IP 'тогда Юри решил поговорить с матерью'; *Tedaj se je Marjanica domislila, da ji je Hanca prepovedala govoriti o nji* IP 'тогда Марьяница вспомнила, что Ханца запретила ей говорить о ней'; *Braniti Anici ti pa prav nič ni treba* IP 'тебе совершенно не нужно защищать Аницу'.

Модальные предикаты, с которыми сочетаются инфинитивы, обладают следующей особенностью значения: в отличие от реальных предикатов, они указывают не на признаки (в логической терминологии), а на их осуществимость, то есть на способы их осуществления

(возможность, желательность, необходимость); каузативные предикаты также указывают не на признаки, а на обуславливающее воздействие, без включения в семантику глагола мысли о конкретном признаке; фазовые глаголы указывают на временные фазы существования признака [Никитин 1988, 85–87]. Таким образом, все три группы, с которыми сочетается инфинитив, не называют конкретного признака, но так или иначе определяют некоторые параметры его осуществления.

Предикаты этих трех групп выделяются в класс функторов — семантических единиц, требующих обязательного восполнения. К этому же классу подключаются слова (глаголы и предикативы) со значением побуждения, намерения, ожидания, замышления (интеллектуального состояния): *мечтаю приехать, планировал прийти, помышлял убить, забыла заказать, давай дружить; obljubim priti* ‘обещаю прийти’, *nameravam delati* ‘намереваюсь работать’, *zamislila sem si kupiti* ‘задумала купить’; к ним близки все предикаты психической деятельности, эмоционального отношения: *любит шить, ненавидел петь, боюсь писать, стыдно сказать, лень делать, жаль будить; sram je reči* ‘стыдно сказать’, *bojim se razjeziti* ‘боюсь обидеть’, *ne taram kuhati* ‘не люблю готовить’, *veselje je piti* ‘приятно пить’, если их семантика связана с отражением, замышлением и оценкой ситуации [Никитин 1988, 87].

Фазовые глаголы стоят несколько особняком в группе функторов, поскольку, указывая на реальное протекание действия, они обычно имеют аспектуальное значение. Фазовые глаголы начала или конца действия в обоих языках могут быть опущены с преобразованием инфинитивной формы в финитную (при наличии в языке соответствующих глагольных лексем): *он начал петь ~ он запел, он кончил делать ~ он доделал*; то же в слов.: *začel je peti ~ je zapel; končal je delati ~ je dodelal*. В этом отношении они синонимичны приставкам *za-*, *do-* (слов. *za-*, *do-*), так что эти глаголы выступают в качестве удобного, свободного от лексических или узуальных ограничений модификатора способа глагольного действия, называемого инфинитивом. Особенно ярко это выражено в словенском языке, где в сочетании с инфинитивом возможны только глаголы начала и конца действия [Торговиšič 1991, 337], что соответствует наличию в системе словообразовательных средств приставок со значением начала/конца действия (состояния), но не его развития.

Употребление инфинитива в составе сложного глагольного сказуемого и в позиции дополнения является связанным [РГ 80, 41; Торговиšič 1991, 336]⁶. Круг слов, сочетающихся с инфинитивом, сравнительно невелик, однако они обладают большой частотностью, почему ин-

финитив употребляется в речи также довольно часто. Так, по данным ЧСРЯ, из 11 глаголов, входящих в первую зону частотности (первые 100 слов, среди которых преобладают служебные слова), 5 употребляются с инфинитивом, а из первых 300 слов к глаголам и предикативам рассматриваемой группы относятся следующие 16: *мочь, хотеть, должен, дать, можно, любить, давать, начать, пора, выходить, нельзя, остаться, бояться, брать, нужно, просить*. Можно предполагать подобную частотность и для словенского языка⁷.

Употребление инфинитива в позиции (рус., слов. 1, 2) является вторичным, поскольку инфинитивные конструкции представляют собой “свертки”, трансформации конструкций, “где глагольные лексемы имеют первичное употребление” [Падучева 1974, 42], то есть выступают в финитной форме: *Он обещает прийти ~ он обещает, что он придет*.

В позиции несогласованного определения (рус., слов. 3) инфинитив обычно зависит от слов с той же функторной семантикой. В обоих языках при трансформации эксплицируется тождество с (слов., рус. 1, 2), ср.: *Желание увидеть ее не покидало его весь вечер ~ Он весь вечер желал ее увидеть; Vili Fink sploh nima namena oditi DJ ‘У Вили Финка вообще нет намерения уйти’ ~ Vili Fink sploh ne namerava oditi ‘Вили Финк вообще не намеревается уйти’*.

В русском языке в позиции определяемого слова выступают существительные: *желание, просьба, разрешение, обещание, намерение, цель, приказ, способность, обязанность, страх, радость, удовольствие, привычка, право* и др., в слов. соответственно: *želja, prošnja, dovoljenje, obljuba, namen, namera, ukaz, sposobnost, dolžnost, strah, veselje, volja, navada, pravica* и др. Это часто либо отглагольные существительные⁸, сохраняющие связь с инфинитивом, свойственную глаголам, от которых они образованы (*обещание прийти — обещал прийти; obljuba priti — obljudil je priti*), либо слова, относящиеся к семантическому полю, где представлены функторные глаголы или предикативы с инфинитивным примыканием: *он не имеет права участвовать в первенстве ~ он не может участвовать в первенстве* (слов.: *on nima pravice sodelovati v prvenstvu ~ on ne more sodelovati v prvenstvu*).

Несколько отличается использование инфинитива в позиции несогласованного определения при именах, называющих лица по характеризующему их признаку: *Он мастер говорить*. В словенском в подобных конструкциях, встречающихся в разговорной речи, выступает инфинитив с предлогом *za*: *On je mojster za klepetat(i)*. Отношения информативного восполнения сопровождаются здесь ярко

выраженной экспрессивной окраской имен как в русском языке [РГ 80, 62], так и в словенском. При преобразовании таких предложений тождества на месте имени выступает функторный глагол со значением способности, навыка, умения: *Он мастер говорить ~ он — тот, кто умеет хорошо (и много) говорить; Он не дурак выпить ~ он — тот, кто любит пить (алкогольные напитки); Он je mojster za klepetat(i) ~ он je tak, ki zna klepetati*, что выявляет определенную синонимичность с типом (рус., слов. 2).

При трансформации предложений с инфинитивом в качестве сказуемого, типа: *Ego мечта — побывать в Африке*, также обнаруживается синонимия с (рус., слов. 1, 2): *~ Он мечтает побывать в Африке* (ср. в слов.: *Njena najmočnejša želja je bila študirati slovenščino* 'ее самым сильным желанием было изучать словенский язык' *~ Она je želela študirati slovenščino* 'она хотела изучать словенский язык'). Г.А. Золотова определяет этот тип как употребление инфинитива "в роли предикцирующего компонента модально-экспрессивных модификаций моделей при отвлеченном имени с модально-оценочным значением в другом компоненте" [Золотова 1988, 349]. Как видно, модальность или экспрессивность в том или ином виде постоянно сопровождает инфинитив.

Экспрессивно окрашены односоставные инфинитивные предложения (рус., слов. 4) *И царица хохотать; Он pa rokami kriliti in vpiti*, где инфинитив занимает позицию спрягаемой формы глагола. Экспрессивность создается элиминированием фазового глагола со значением начала действия: *~ царица начала (принялась, стала ...) хохотать*; то же в слов.: *~ он pa začne (je začel, pričel...) kriliti rokami in vpiti*. Й. Топоришич рассматривает такие случаи в словенском языке как стилистический (экспрессивный) вариант употребления инфинитива с фазовыми глаголами [1991, 337]. В обоих языках из фазовых глаголов здесь возможен только глагол со значением начала, но не продолжения или конца действия.

Инфинитивные предложения (рус., слов. 5) при трансформации выявляют имплицитно содержащиеся модальности: *Не входить!* включает компонент категорического запрещения: *~ никто не смеет входить; Открыть ему?* — вопрос о долженствовании или необходимости: *~ нужно ли ему открыть?; Куда нам идти?* — предполагает выявление возможности: *~ куда мы можем идти?; Одному не поднять* соотносится с: *~ один (человек) не может поднять; Быть тебе лингвистом!* *~ ты должен стать лингвистом* (модальность долженствования) и под. Это позволяет определять такие инфинитивные односоставные предложения как предложения со скрытой

модальностью [Мартынов 1982, 27], а приведенные преобразования показывают их синонимичность с (рус., слов. 1).

Инфинитивные предложения чрезвычайно разнообразны по модальности. А.М. Пешковский выделяет следующие оттенки для русского языка: объективной необходимости действия ('предстоит, суждено'); субъективной необходимости действия ('должно, подобает, полагается'); желаемости действия ('хочется, хорошо бы'); растерянности, нерешительности и др. [1956, 383]. В словенском обнаруживаются те же оттенки модальности [Jesepovec 1969, 36–37]: *Ne me jeziti* 'нечего меня раздражать'; *Kaj storiti?* JT 'что делать?'; *Mu povedati resnico?* FJ 'сказать ли ему правду?'; *Iti nam je domov* FJ 'мы должны идти домой'; *Ni mi biti več doma* FJ 'не быть мне больше дома' и др.

Спецификой словенского языка является то, что инфинитивные предложения со значением приказания являются обычно отрицательными и в них используются усилительные отрицательные частицы: *Nikar jih posnemati* FJ 'ни в коем случае им не подражай'; *Nikarte govoriti tako* IP 'ни в коем случае не говорите так' [Jesepovec 1969, 36], тогда как положительные предложения с той же структурой и с тем же значением редки: *Vstati, ti rečem!* JT 'встать, тебе говорю!' (ср. в рус.: *Группа! Строиться!*).

Инфинитивные предложения, включающие в себя, помимо названия действий (состояний), элемент оценки, субъективного отношения, часто встречаются в экспрессивной, эмоционально-субъективной речи, в частности, поэтической (*Февраль. Достать чернил и плакать*. Б. Пастернак. ~ *Padati globoko globoko v vse bolj modro tišino. Ničesar čuti. Ničesar videti.* 'падать глубоко-глубоко во все более мудрую тишину. Ничего не слышать. Ничего не видеть'. И. Минатти.). Выразительность, "специфическое модальное значение инфинитивных предложений создается непосредственно самой конструкцией, сопровождая употребление инфинитива в качестве предикативного центра предложения. Это модальное значение по-разному модифицируется в зависимости от многих условий, но всегда сохраняет связь со сферой ирреальности" [СРЯ 1981, 444]. Важно то, что значение ирреальной и неопределенной модальности, хотя и связывается со специальными синтаксическими конструкциями, в предложениях с элиминированием частей предложения признается за инфинитивом.

Предложения с инфинитивом в позиции подлежащего, так же как и все предыдущие, поддаются трансформации с заменой инфинитива придаточным предложением, в котором выявляется синонимия с (рус., слов. 1): *Молчать — это не так просто ~ то, что надо (приходится) молчать, является психологически трудным* (или: *если мол-*

чишь, то это не так просто); *Не думать о себе* — вот золотое правило ~ то, что не думаешь о себе, является положительным. Инфинитив здесь служит для обозначения обычного или рекомендуемого действия (состояния), которое не реализуется в настоящий момент, то есть остается в области ирреального.

Предложения русского языка с инфинитивом в позиции обстоятельства цели (рус. 7)⁹ могут быть преобразованы в предложения с двумя предикатами: *пошел погулять* ~ *пошел, чтобы погулять* ~ *пошел и будет гулять*. При таком преобразовании выявляется значение предстояния. Другая трансформация такого типа предложения: *иду спать* ~ *иду, чтобы спать* ~ *иду, чтобы я спал* [Мартынов 1982, 48–49]. При таком преобразовании предложения с инфинитивом цели интерпретируются как сконденсированные сложноподчиненные предложения с придаточным цели.

Любопытно, что именно в русском языке, где инфинитив выступает как средство образования сложного будущего времени, он же используется в предложениях, которые возможно трансформировать в предложения с общей семантикой предстояния. В словенском языке, где инфинитив не выступает для образования форм будущего, он не используется в значении обстоятельства цели. Подтверждением того, что инфинитив цели может интерпретироваться как имеющий значение предстояния, служит, в частности, предлагаемая замена его аналога (супина) придаточным изъяснительным [Toporišič 1991, 283]: *greš kosit* ~ *greš, da boš kosil* 'идешь и будешь косить' (досл.: *'идешь, что будешь косить').

Особенностью словенского языка является употребление инфинитива при глаголах чувственного восприятия *slišati* 'слышать', *videti* 'видеть', *čuti* 'слышать, чувствовать' и др. (слов. 9). Наличие целого ряда конструкций с этими глаголами заставляет остановиться на них подробнее.

Среди глаголов чувственного восприятия¹ можно выделить две группы: 1) глаголы ненаправленного восприятия: *videti* 'видеть', *slišati* 'слышать', *zaslišati* 'услышать', *čuti* 'слышать, чувствовать' и под. и 2) глаголы направленного восприятия: *gledati* 'глядеть', *prisluskovati* 'прислушиваться'. Примыкание инфинитива возможно лишь при глаголах со значением ненаправленного чувственного восприятия.

Эти глаголы по формальным характеристикам близки к функторным глаголам, что дает основание рассматривать их как относящиеся к группе глаголов со значением 'состояние сознания' наряду с глаголами *vet* 'знаю', *znan* 'умею', *upam* 'надеюсь' [Jesenovec 1969, 35]. При таком подходе их употребление в (слов. 9) не отличается от типа

(рус., слов. 1, 2): (*Cerkovnik*) **je videl prihajati Marjanico z Zaplotarico** IP '(священник) видел приближающихся Марьяницу с Заплотарицей', досл. *(священник) видел приближаться Марьяницу с Заплотарицей'; *V naslednjem trenotku jo (Marjanico) je zagledala stopiti z Anico izza vogala* IP 'в следующее мгновение она увидела, как она (Марьяница) выходит с Аницей из-за угла'; *Kakor skozi meglo je videla vstati svojega moža, prijeti kozarec in ga treščiti na mizo in kakor iz čudne dalje ga je slišala govoriti* IP 'будто сквозь туман она увидела, как встал ее муж, взял стакан и стукнул его об стол и из странной дали слышала, как он говорит'; *V naslednjem hipu jo (Anico) je čula stopiti v hišo* IP 'в следующий миг она слышала, что она (Аница) вошла в избу'; *Anže je zaslišal ihteti Jerico in je zaprl knjigo* IP 'Анже услышал рыданье Ерицы и закрыл книгу'; *Anica je slišala šepetati v veži in se smejati* IP 'Аница слышала шепот и смех в сенях'; *Imam še časa, sliši bobneti po lobanji* DJ 'у меня еще есть время, стучит у него в голове'.

При трансформации эти предложения разворачиваются в структуры с придаточным изъяснительным с предикатом, выражающем одновременность действия: *Anica jo je slišala govoriti zunaj* IP ~ *Anica je slišala, da ona govori zunaj* 'Аница слышала, что она говорит на дворе' (ср. (рус., слов. 1, 2), где возможна разновременность предикатов: *Она хотела учиться* ~ *она {сейчас} хотела, чтобы {потом} училась*).

Инфинитивные конструкции (слов. 11) содержат оттенок возможности, неуверенности: *V kuhinji je bilo čuti vikanje deklice Marjanice* IP 'в кухне был слышен (= можно было слышать) крик служанки Марьяницы'; *Anica pa je strmela v tla, kjer je bilo v zadnjem žarku dneva opaziti posušeno rožo* IP 'Аница вглядывалась в пол, где в последнем луче дня можно было увидеть увядший цветок'; *V resnici sicer ni bila Anica dobra, ali videti je res bilo, ko da ponehujе vročina* IP 'на самом деле Аница была слабой, но действительно казалось, что жар спадает'; *Onstran nad vasjo je bilo videti že s snegom pokrite gore* IP 'с другой стороны над деревней были видны (= можно было видеть) покрытые снегом горы'

У нас нет сведений о том, разрабатывалась ли эта тема в словенстике, поэтому приведем примеры с другими глаголами этой группы: *Ogorčenje je bilo čutiti v zraku* DJ 'в воздухе чувствовалось раздражение'; *Hudo napetost je čutiti notri* DJ 'внутри чувствуется сильное напряжение'; ... *da je potem v prostoru zaznati samo še zamolklo bobnenje po lobanji* DJ '... так что потом в помещении ощущается только приглушенный стук по черепу'; *Že je bilo slutiti nov začetek* DJ 'уже предчувствовалось новое начало'.

А. Брезник рассматривает такого рода употребление инфинитива как развитие конструкций с вспомогательным глаголом *biti*, выражающих необходимость или возможность: *zvonik je videti ~ zvonik je mogoče videti* ‘колокольню можно увидеть’ [1982, 288–289], а в своей грамматике [1924, 146] приводит их как примеры пропуска модальных слов, то есть как средство компрессного выражения модального значения.

В современном словенском языке употребление инфинитива в функции (слов. 11) нечастотно, обычно связано с глаголами восприятия, хотя в этой модели возможны и другие глаголы (ср. пример А. Брезника [1982, 289]: *Kruh je dobiti* ‘хлеб можно найти’; ср. также: *Um napreduje, tega ni tajiti* ‘разум прогрессирует, этого нельзя скрыть’ Stritar, Zorin 1866).

Инфинитив глаголов восприятия представлен в характеризующих предложениях (слов. 12) *On ni videti dober* ‘он не выглядит здоровым’; *Bil je videti truden in slabe volje* IP ‘видно было, что он усталый и в плохом настроении’. При их преобразовании: *~ vsak bi/je lahko videl, da on ni dober* ‘всякий мог /бы/ заметить, что он нездоров’; *~ vsak bi/je lahko videl, da on je truden in slabe volje* ‘любой /бы/ заметил, что он устал и в плохом настроении’ — обнаруживается компрессия, связанная с элиминацией эксплицитного выражения модальности, при этом средством компрессии является инфинитив.

Таким образом, использование в словенском языке глаголов восприятия как в качестве опорных в конструкциях с инфинитивом, так и в форме инфинитива соответствует тем особенностям, которое характерно для употребления инфинитива вообще. В первом случае они включаются в класс функторов и, по-видимому, в широкое поле (субъективной) модальности, во втором — выступают как средство компрессии предложений с передачей модального значения возможности.

Итак, инфинитив в русском и словенском языках является формой, способной выполнять функции как предиката, так и имени (ср. синтаксические роли сказуемого, с одной стороны, и подлежащего или дополнения — с другой). Общим для языков является связанный характер употребления инфинитива в зависимой позиции и вообще связь с определенными лексико-грамматическими группами. Характер этих групп в обоих языках различен, так же как различается, на наш взгляд, общее значение модальности в языках. Если в русском в ее объем включается значение предстояния (ср.: “Инфинитивные конструкции занимают в системе средств выражения модальных значений особое место: они передают недифференцированное значение возможности — долженствования — предстояния” [СРЯ 1981,

467)), то в словенском языке это значение отсутствует либо выражено гораздо менее ярко. С другой стороны, в словенском языке в общем поле модальности включается значение субъективного чувственного восприятия, отсутствующее в русском.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сопоставлению отдельных фрагментов грамматических систем словенского и русского языков посвящено несколько работ, см.: [Дерганц 1991; 1992; Derganc 1997; Jakopin 1966; Salnikov 1979], что позволяет говорить о постепенно складывающейся традиции, которую продолжает предлагаемая статья.

² Синтаксические функции инфинитива рассматриваются в различных теориях по-разному: Л. Теньер рассматривает восходящие (при выполнении инфинитивом роли актанта) и нисходящие (подчинение актантов и сирконстантов) связи инфинитива [Теньер 1988, 433–441]; с точки зрения концепции, изложенной в [СРЯ 1981], определяющим является вид синтаксической связи на уровне словосочетания и участие той или иной части речи в образовании предикативного ядра предложения и т.д. В данной статье в основном использовано традиционное учение о членах предложения [Шахматов 1941] как самое разработанное, имеющее свое продолжение и в современных грамматических описаниях.

³ Было проанализировано употребление инфинитива в произведениях на словенском языке: Ivan Pregelj, *Mlada Breda*. Ljubljana, 1992 (в тексте статьи примеры помечены сокращением IP), Drago Jančar, *O bledem hudodelcu*. Ljubljana, 1978 (DJ). Отдельные примеры взяты из: [Toporišič 1991] (JT), SSKJ, [Jesenovec 1969] (FJ). Примеры для русского языка взяты из: [РГ 80; СРЯ 1981; Пешковский 1956].

⁴ Первая глагольная форма в цитате является кратким (разговорным) инфинитивом, а не формально подобным ему супином.

⁵ Между преобразованием, перифразированием и трансформацией в современной лингвистической литературе иногда проводят терминологическое различие (напр., Е.В. Падучева рассматривает преобразование как общее определение для различных процедур толкования и трансформации [1974, 8–13]). В данной статье эти термины употребляются как синонимы со значением 'намеренное частичное изменение выражения, приводящее от менее эксплицитной структуры к более эксплицитной'.

⁶ Подробная характеристика лексико-семантических групп и перечень глаголов и предикативов, выступающих в связи примыкания с инфинитивом в русском языке, дана в: [РГ 80, 41–42, 47–48 и др.]. Довольно большие списки для словенского языка представлены в работах: [Volta 1986; Jesenovec 1969; Toporišič 1991].

⁷ Сравнение как состава, так и употребления глаголов и предикативов такого рода должно стать предметом специального анализа. Не все глаголы и предикативы в русском и словенском языках, даже при совпадении в лексическом значении, совпадают в употреблении: при наличии в словенском глагола *moč, ljubiti*, соответствующих рус. *мочь, любить*, частотной русской конструкции *мочь + Inf (могу неть, плясать)* соответствует слов. *lahko + V_{fin} (lahko pojem, plešem)*, а конструкции *любить + Inf (люблю писать, читать)* — слов. *rada + V_{fin} (rada pišem, berem)*. С другой стороны, Ф. Есеновец отмечает, что именное употребление все более проникает в язык [Jesenovec 1969, 35] в таких словосочетаниях, как, напр., *začnem z jokom* 'начну плакать' (досл. *'начну с плачем'), *neham z delom* 'прекращу работу', *neham z žvižganjem* 'перестану свистеть', хотя грамматики и нормативные предписания предупреждают о нежелательности употребления таких словосочетаний.

⁸ В этой связи стоит заметить, что отлагольное существительное в словенской лингвистической традиции рассматривается как глагольная форма (glagolnik) наряду с причастием, деепричастием, инфинитивом [Toporišič 1991, 283].

⁹ Обычно отмечается, что инфинитив имеет такое значение при глаголах движения: *приехал узнать, зашел поговорить, прибежал спросить* и под. [СРЯ 1981, 421]. Однако употребление глаголов со значением цели возможно и при других предикатах, ср.: *отдать учиться, послать спросить, отправить отдыхать* и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Slovenska slovnica 1956 = Bajec A., Kolarič R., Rupel M., (Šolar J.), *Slovenska slovnica*. Ljubljana.
- Bolta M., 1986: Slovenski glagoli z nedoločniškim dopolnilom v tvorbeno-pretvorbenem pristopu, *Slavistična revija*, 34/4. 419–439.
- Breznik A., 1982: Stavčna negacija v slovenščini, in *Jezikoslovne razprave*. Ljubljana, 245–294.
- Breznik A., 1924: *Slovenska slovnica za srednje šole*, 3. izdaja. Prevalje.
- Derganc A., 1991: O (ne)števnosti poimenovanj za zelenjavo, sadje in jagode v slovenščini in ruščini, *Slavistična revija*, 39/3. 277–283.
- Дерганц А., 1992: Несколько заметок в связи с перформативными глаголами в русском и словенском языках, *Fililogija*, 20–21. Zagreb, 67–75.
- Derganc A., 1997: Einige Unterschiede im Gebrauch des perfektiven bzw. des imperfektiven Praesens im Russischen und Slowenischen, in *D. Huber / E. Worbs, Ars transferendi Sprache, Übersetzung, Interkulturalität. Festschrift für Nikolai Salnikow zum 65. Geburtstag*, Sonderdruck.
- Золотова Г.А., 1988: *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва.
- Jakopin F., 1966: K tipologiji slovenskega in ruskega glagola, in *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture: Zbornik predavanj*. Ljubljana.
- Jesenovec F., 1969: Raba nedoločnika, *Jezik in slovstvo*, 14/2. 33–37.
- Мартынов В.В., 1982: *Категории языка*. Москва.
- Никитин М.В., 1982: *Основы лингвистической теории значения*. Москва.
- Падучева Е.В., 1974: *О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка*. Москва.
- Пешковский А.М., 1956: *Русский синтаксис в научном освещении*, 7-е изд. Москва.
- РГ 80 = *Русская грамматика*, т. 2. Москва, 1980.
- Salnikov N., 1979: K izražanju modalnosti v ruščini in slovenščini, *Slavistična revija*, 27/3–4. 451–457.
- СРЯ 1981 = Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В., *Современный русский язык*. Москва.
- SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1995.
- Теньер Л., 1988: *Основы структурного синтаксиса*. Москва.
- Toporišič J., 1991: *Slovenska slovnica*. Maribor.
- Toporišič J., 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana.
- ЧСРЯ = *Частотный словарь русского языка*. Москва, 1977.
- Шахматов А.А., 1941: *Синтаксис русского языка*, 2-ое изд. Ленинград.